

Михаил Кузмин

Набег на Барсуковку

Михаил Алексеевич Кузмин

Набег на Барсуковку

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=311492

Михаил Кузмин «Стихи и проза»: Современник; Москва; 1989

Аннотация

Художественная манера Михаила Алексеевича Кузмина (1872–1936) своеобразна, артистична, а творчество пронизано искренним поэтическим чувством, глубоко гуманистично: искусство, по мнению художника, «должно создаваться во имя любви, человечности и частного случая».

Содержание

I	4
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Михаил Кузмин

Набег на Барсуковку

I

Не ладилось почему-то в этот день вышиванье у Машеньки, то в синее поле нанижет зеленого бисеру, то лилового в розы пустит, то желтый рассыпется, будто не прежние у нее были, проворные и искусные на ощупь, пальчики, а какие-то обрубки, набитые ватой. А между тем день был самый обыкновенный, такой же, как вчера, как третьего дня и, вероятно, как будет завтра, шестого августа, в день Преображения Господа нашего Иисуса Христа, когда будут святить яблоки и печь пироги с ними. Ведь и тревога, с которой Машенька смотрела из своего мезонина на расстилавшуюся за садом дорогу, была та же, что и прежде, ничего особенного в ней не было; отчего же синий бисер попадал в зеленый, а желтый сам рассыпался?

Вздохнув, она отложила неконченным длинный кошелек с розами и незабудками и, опершись на локоть, стала просто смотреть на такую известную с детства ей картину: двор, сад, дорога за ним на пригорке, мельницы, еле видное озеро вдали. В тот день – ни солнечный, ни хмурый, с ленивым солнцем и редким дождем – все казалось таким обыкновен-

ным, что Марья Петровна Барсукова даже знала не только всех прохожих, но куда и откуда они идут, и зачем, и почему, — так что наблюдения могли приносить только удовольствие подтверждения, что Фекла идет со скотного на кухню, что Кузька бежит на погреб за квасом, потому что барин Петр Трифоныч, Машин отец, пробудился от послеобеденного сна, что старуха Марковна пронесла грибы к ужину. Все было ей отлично известно, и хотя неизменяемость явлений вносит известное успокоение в душу, но вместе с тем внушает и тягостное, безнадежное чувство, похожее на скуку.

Не только все прохожие были известны Марье Петровне, но даже звуки, источники которых не были доступны зрению, были ей так же известны, равно как их причины и назначение. Вот скрипнули ворота, впускают скот, который все ближе, ближе мычит и блеет, вот рубят котлеты на кухне, поют песни на выгоне, шлепают вальками на пруду, брат Илюша разыгрывает Гайдна в круглой гостиной, и скоро раздастся свист из-за куста сирени, свист, всегда ожидаемый и даже ожидаемый, но всегда заставляющий биться сердце и ланиты покрываться розами. После этого свиста всегда прибежит босою Феня, камеристка и наперсница Марьи Петровны, всегда с видом заговорщицы, с одним и тем же радостным ужасом на круглом лице. Прошепчет: «Свистят-с», на что Маша ответит: «Слышала; покарауль, Феня». Каждый раз девка промолвит: «Вот страсти-то, барышня! Попадемся Петру Трифонычу, быть мне поротой, а вам за косы драной»

– и стремглав нырнет в кусты, мелькнув голыми пятками.

И на этот раз только что раздался в кустах сирени еле уловимый свист, как на пороге появилась босоногая Феня, и диалог между барышней и служанкой повторился с неукоснительною точностью. И эта повторность слов и биения сердца, чувства страха и любви неказались скучными, а, наоборот, каждый день были новыми, небывалыми, неожиданными. Сама того не сознавая, Марья Петровна с ночи думала, засыпая, как лакомка, какой завтра найдет ее свидание, а она – Гришу Ильичевского: веселым, страстным, разочарованным, гордым, печальным, вздыхающим?

Путаясь в платье, цепляясь корзиночкой поверх гладко причесанных волос за низкие сучья деревьев, Маша достигла отдельной беседки с цветными стеклами и двумя входами; на потолке доморощенный художник воспроизвел «Аврору» Гвидо Рени со слов Петра Трифоныча, побывавшего в Италии и небесчувственного к искусствам.

Поставив Феню у входа, Марья Петровна не успела переступить порога, как была заключена в объятия высоким, плотным юношей, чей неподдельный румянец, белейшие зубы, непокорные русые волосы и наивные серые глаза свидетельствовали о нестоличном его происхождении. Отдав дань первым восторгам невинного свидания, влюбленные, не разнимая рук, опустили на банкетку. Девушка склонила свою голову на плечо юноши, а тот ее спрашивал дрожащим от волнения голосом:

– Не говорила еще с батюшкой?

– Возможно ли? Так полагаю, что скорее жизни лишит, чем согласится. Я даже братцу Илюше не решаюсь открыться.

– Этому нет необходимости: чем меньше народа знает, тем крепче тайна хранится. Но не унывай, у меня знатный, хотя и дерзкий, план созрел. Бог поможет, удастся, и ничто нас тогда разъединить не сможет, будь только ты храбра и доверься мне.

– Можешь ли сомневаться в этом, Гришенька? – спросила Марья Петровна, глядя с упованием и любовью в наивные и открытые глаза своего возлюбленного, где читалось просто-душие, чистота и покорность, но никак не знатный и смелый план, о котором говорил Григорий Алексеевич.

Крепко сжав руку девушки и помолчав, тот деловитым и таинственным голосом продолжал:

– Никаким росказням и слухам не верь, что бы про меня ни говорили. Вид подавай, что веришь, сердцем же не верь. Через Василья извещать буду, что делать, делай беспрекословно, слушай его, как Святое писание. Ко всему будь готова и помни, что ничего худого не произойдет. Больше покуда ничего не скажу.

Маша крепче прижалась к молодому человеку и начала печально:

– Хоть бы один конец, Гришенька! не в силах я томиться; каждый день до твоего свиста ровно в лихорадке горю, сего-

дня даже вышивать не могла, весь бисер перепутала.

– Дома-то не замечают?

– Наверное, нет. Батюшка спит да по хозяйству кричит, а Илья что? книжки читает, гуляет, да на клавире наигрывает... когда и я пою... но беседует со мною мало. Скоро осень!

– Грибов очень много: видал, проходя.

– Каждый день кушаем. Просилась с девками – не пустили.

В это мгновение в отверстие двери просунулось круглое лицо их верного сторожа, и, махая рукой, Феня заговорила громким шепотом:

– Барышня, к ужину ищут, совсем недалече!

Крепко обняв Машеньку и прошептав ей на прощанье:

«Будь готова, друг мой, не унывай!» – Григорий Алексеевич вышел через другую дверь и скрылся в кустах, меж тем как Марья Петровна в сопровождении своей босоногой камеристки, не спеша, будто гуляя, пошла навстречу казачку по направлению к дому, откуда слабо доносились менуэты Гайдна, словно шипенье самовара, и где на балконе темнела по вечернему небу тучная фигура батюшки, Петра Трифоновича Барсукова.

II

Покойный отец Григория Алексеевича Ильичевского был связан узами непримиримой вражды с соседом своим Барсуковым. Были забыты причины этой распри, восходившей еще к их дедам и заключавшейся, вероятно, в каком-нибудь неподделанном куске земли, чужом скошенном луге, перенятом медведе или тому подобных, на наш взгляд, пустяках, считавшихся кровными обидами. Все это было забыто, и перешла ко внукам только глухая и непримиримая вражда, распространившаяся и на сына Ильичевского, Григория Алексеевича. Их фамилия не упоминалась иначе как в соединении с более или менее нелестными эпитетами вроде «каналы, мошенники, фармазоны», и даже в горнице Машеньки имя Ильичевских не произносилось, а назывался только Григорий Алексеевич, и мечтали только о Гришеньке, забывая, гоня от себя мысль, что он – Ильичевский.

Марья Петровна не опоздала к ужину, так что ее отсутствие не было замечено; впрочем, она вообще пользовалась известной привилегией сельской свободы, которая более, чем в столицах, допускает прогулки молодым девицам, предполагая, что природа и деревенское разнообразие развивают мечтательность, полем действия которой, конечно, естественнее служит сад и даже поля и рощи, чем комнаты с кисейными занавесками и лежанками. Притом постоянным за-

щитником свободы являлся брат Машеньки, Илья Петрович, петербургский студент, поклонник Руссо и англичан, изрядный музыкант, что особенно ценилось его отцом, который, как мы уже сказывали, не был бесчувствен к искусствам. Хотя отец не понимал Бетховена, а предпочитал Россини, увертюру которого к «Елисавете», впоследствии вставленную в «Севильского цирюльника», часто насвистывал, и находил, что Улыбышев прав в своем суждении о Бетховене, – однако он охотно прислушивался к сухой игре сына, когда тот исполнял «немцев» в круглой гостиной, лишь временами в угоду отца рассыпая шипучие брызги «Итальянки в Алжире» или «Сороки-воровки». Отец не соглашался, но любил и думал о меланхолическом огне, оживлявшем его уединенного и мечтательного сына. Машенька занималась искусством только для домашнего обихода, играла в четыре руки, что полегче, запинаясь и считая вслух, или пела романсы девятидесятых годов под гитару; бабушкина арфа стояла немойю в углу и просыпалась только под метелкой казачка, убиравшего комнаты. Рукодельничала Марья Петровна тоже неохотно, вот уже четвертый месяц вышивая бисерный кошелек Гришеньке, рассыпая бисер и путая цвета; хотя досуг и не развил в ней видимой мечтательности, но в глубине души она ждала трагических или жестоких приключений, с восторгом слушая рассказы Фени, как у соседних староверов умыкали девиц, как мужья тиранили неверных, а иногда и верных жен, и, хотя уже и в то время такие приемы были лишь профор-

мой и купеческие женихи отлично знали, что тятеньки умываемых ими невест гнались за ними с допотопными ружьями только для соблюдения обряда, – тем не менее рассказы эти волновали барышню Барсукову глухим и тяжелым волнением. Потому неясные слова Григория Алексеевича поразили ее радостною тревогою, и, смотря в его серые глаза, она читала там не простодушие и покорность, а удаль и любовную отчаянность. Может быть, если бы даже Гришенька не был врагом Петра Трифоныча и не приходилось терпеть за себя и за него, сидя в проходной беседке с «Авророй» Гвидо Рени на потолке, – может быть, не так дорожила бы Машенька этими минутами, не так ждала бы знакомого свиста, не так путала бы бисер. Сама наружность ее казалась приготовленной скорее для умычек, побоев, отравлений постылого мужа, чем для томных воркований под арфу. Лицо у нее было круглое, несколько широкое, глаза бойкие и упрямые, волосы густые, брови почти срастались, подбородочек упорный, шея, как точеная балясина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.